

ходя назиравше ю».¹ В день вывоза Сумбеки вельможи вели ее «под руце», впереди шел Василий Серебряный, «а царевича, сына ея, пред нею несоща на руках пестуны его». Сумбека «упросися у воеводы у царева гроба проститися». Серебряный отпустил ее «за сторожами своими, а сам ту у двери стояще». Сумбека «сверже алатую утварь в главы своя и раздра верхняя ризы своя, и паде у гроба царева, власы главы своя терзающе и ноготми лице свое деруще, и в перси своя бьюще и плакася горко». Царица причитает над гробом Сафа-Гирея: «О милый мой господине, царю Сапкирее! Виджь ныне царицу свою! Любил еси паче всех жен своих, сведома бываема в плен иноземными воины на Русь с любимым сыном твоим, яко злодеица». В воплях отчаяния у Сумбеки прорывается ее злобная ненависть к Русскому государству: «Увы мне, не веси ли сего: се бо предается царица твоя врагом твоим, в руце надеемым сопостатам нашим, московскому царю». Она понимает, что не может «в рати битися силе и крепости его». Крымская группировка в Казани — ее опора — разбита и уничтожена, и она «не имех помогающих». Сумбека согласна, чтобы «от иного некоего царя пленена бысть была единого языка нашего и веры единых, то шла бы тамо, не тужа, но радостно и без печали». Два часа царица «причиташе... и кричаще, лежаще у царева гроба на земли». Когда ее подняли, «приставник» ужаснулся: «бе бо царица образом красна велми и в разуме премудра, яко не обрестися такой лепоте лица ея во всех в казанских женах и в девицах, но и во многих русских на Москве, во дщерях и в женах боярских и во княжнах».² Серебряный утешает Сумбеку «сладкими словесы»: «Не бойся, госпожа царица, престани от горкого плача, не на бесчестие бо и не на смерть идиши с нами на Русь, но на великую же честь к Москве ведем тя... и не отымется честь и власть твоя от тебе. Самодержец милость велику тебе покажет... но и паче возлюбит тя, и даст на Руси некия грады своя вместо Казани в них царствовать... И есть на Москве много царей юнных, по твоей версте, кроме Шигалея, кому поняти тя, аща восхощеши за другого мужа посягнути. А Шигалей бо стар есть, аки отец или дед, ты же млада, аки цвет красный».³ Казанцы провожали Сумбеку с сыном «честно всем народом градским, мужи и жены, и девицы, и мал и велик на брег Казани реки воюще горко по царице, аки по мертвой все». Казанцы любили Сумбеку, «поминающе ея разум и премудрость, и к вельможам честь, и ко середним, и ко обычным милование и дарование, и ко всему народу брежение велие». Везли Сумбеку в «царском струге» с большим почетом, с нею ехал русский воевода и «70 жен и девиц красных 30, добрододных на утеху царицы». Царский струг был окружен «стрелцами огненными», которые оберегали Сумбеку от похищения ее казанцами. Боялись, что «егда казанцы раскаются и достигоша царицу отымут».

Покидая Казань, Сумбека проклинает виновника ее изгнания — Шигалея: «И суди бог, мсти во всем супостату нашему и злему врагу, царю Шигалею!».

Сравнивая рассказ о проводах Сумбеки, написанный автором «Казанской истории», с повествованием о том же событии, помещенным в «Летописце начала царства», легко заметить существенную разницу. По данным «Летописца начала царства», казанцы сами выдают Сумбеку с сыном московскому правительству; в рассказе «Казанской истории»

¹ Казанская история, стр. 98.

² Там же, стр. 99—100.

³ Там же, стр. 100.